

УДК 94(47).083.4

5.6.1. Отечественная история

С.А. Гладких

Котласский краеведческий музей

УРОЖЕНЦЫ КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В БОЯХ НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ (1904–1905 ГГ.)

Статья посвящена участию уроженцев Кадниковского уезда Вологодской губернии в сухопутных сражениях русско-японской войны 1904–1905 гг. Приводятся статистические данные, рассматриваются биографии отдельных героев и коллективные подвиги воинских частей, в которых они служили.

Кадниковский уезд Вологодской губернии, герои русско-японской войны.

В продолжение ранее опубликованной автором статьи о кадниковцах-моряхках [10, с. 8–13] вниманию читателя предлагается повествование об уроженцах Кадниковского уезда – участниках сухопутных сражений русско-японской войны 1904–1905 гг. Как и прежде, обобщающий термин «кадниковцы» используется в отношении жителей всего уезда, а в согласии с принципом историзма и мнением авторитетного филолога Г.В. Судакова ему отдается предпочтение перед катойконимом более позднего происхождения – «кадниковчане» [21, с. 5].

Однако выявление имен местных героев является весьма сложной исследовательской задачей. Данная статья – результат масштабной сверки нескольких списков участников войны: обозначенных в числе боевых потерь, награжденных, ветеранов. Каждый из задействованных перечней не является исчерпывающим и абсолютно точным, что вызывает существенные сложности в восстановлении конкретных биографий и в статистических подсчетах.

Так, в составленном Кадниковской землеустроительной комиссией в 1910 г. списке проживавших на территории уезда ветеранов войны содержится 1331 имя [12, л. 177–509]. 13 из них – моряки. Из числа оставшихся подтверждается другими источниками непосредственное участие в боях только 198-ми человек. Столь существенная разница объясняется как неполнотой имеющейся информации, так и тем, что значительная часть указанных в списке комиссии относилась к числу мобилизованных и призывников 1904 г., пополнивших состав воинских частей, которым не довелось сразиться с противником.

Таким образом, в настоящее время можно сформировать два списка, условно именуемые автором «большой» (включающий все известные имена) и «малый» (включающий выявленных участников боевых действий). В первый входит 1566 человек, во второй – 505 человек. Подлинные цифры с точностью

до человека выявить невозможно, но истинное количество участников войны находится в диапазоне между числами «большого» и «малого» списков, каждый из которых очевидно неполон. Дальнейшее приближение к истине возможно только при кропотливых изысканиях в Российском государственном военно-историческом архиве, требующих огромных затрат времени.

Поскольку Кадниковский уезд был густонаселенным, а в 1904 г. на его территории прошли как мобилизация, так и плановый призыв в вооруженные силы, в расчетах постоянно приходится оперировать достаточно большими цифрами. Так, 10 октября 1904 г.¹ началась шестая частная мобилизация [22, с. 27], охватившая в уезде 1,5 тысячи запасных нижних чинов, а вскоре состоялся ежегодный призыв. В призывные списки 1904 г. были внесены 1514 уроженцев Кадниковского уезда, но после медицинского освидетельствования, отсева льготников и жеребьевой процедуры в ноябре 1904 г. в вооруженные силы призваны только 575 человек [14, л. 41 об., 263]. 33 из них направлены во флот, остальные распределены по сухопутным воинским частям. Однако далеко не все призванные и мобилизованные попали на фронт.

Примером ветерана войны, но не участника боевых действий, может послужить биография Василия Михайловича Красавина из деревни Большая Верхне-раменской волости, служившего рядовым 117-го пехотного Ярославского полка. Этот полк прибыл на Дальний Восток уже после кровавого Мукденского сражения, находился сначала в российском Приморье у Никольска-Уссурийского, а с мая 1905 г. – на возведении тыловой Куанчендинской позиции. В послужном списке В.М. Красавина отмечено: «В походе против Японии с 25 января по 4 октября 1905 года.

¹ Здесь и далее даты приводятся по Юлианскому календарю (старому стилю).

В делах против неприятеля не был, ран и контузий не имеет». Умер он 8 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге, не успев даже получить положенной ему темно-бронзовой медали в память русско-японской войны [16, л. 12 об.–13 об.; 20, с. 72–73]. В статистике «малого» списка такие биографии автором не учитывались.

Всего же в русско-японской войне принимали участие уроженцы всех 49 волостей уезда, а также уездной столицы – города Кадникова. Наименьшее число участников по «малому» списку фиксируется в Кодановской волости (1 человек), тогда как деревни Хмелевица Аксентьевской волости и Пигилинская Маныловской волости дали по 5 участников войны. Если же исходить из данных «большого» списка, то одна лишь деревня Злобиха Катромской волости является родиной 10 человек, официально считавшихся ветеранами войны [12, л. 420 об.–423 об., 426 об.].

При этом во всех источниках встречаются ошибки в написании фамилий и названий деревень, а установить подлинный топоним или антропоним не всегда возможно. Зачастую неясно, какую из «гуляющих» гласных ставить в фамилии: «а» или «о», «о» или «е», «е» или «и». Многообразна подобная путаница и с согласными. Не всегда удается установить правильное окончание названий деревень: -ая или -ое. Иногда названия и вовсе искажаются до неузнаваемости: «Возугино» вместо «Козулино», «Тундруки» вместо «Тундриха», «Мартянклая» вместо «Мартьяниха» [6, с. 7; 8, с. 8; 27, с. 70, 85, 95].

Местонахождение ряда деревень установить не удалось, поэтому существует вероятность, что они записаны в составе Кадниковского уезда ошибочно, а на деле находятся за его пределами. На возможность подобных ошибок указывает пример с унтер-офицером 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александром Васильевичем Чебыкиным. Названная его родиной неведомая деревня Аценино Устьрецкой волости Кадниковского уезда по факту оказалась деревней Нацепино Усть-Алексеевской волости Велико-Устюгского уезда [1, л. 367 об.; 4, с. 5].

Порой обозначенные убитыми и пропавшими без вести проживают после войны в родных деревнях, но при этом не всегда можно установить, идет ли речь об ошибке в документах или об однофамильцах. Дополнительные трудности в идентификации того или иного человека создает возможность переезда с одного места жительства на другое. Чрезвычайно сложно проследить боевой путь носителей распространенных фамилий (Иванов, Смирнов, Соколов), особенно если они служили в одной и той же воинской части. Еще более запутывают ситуацию тезки: например, среди местных Смирновых было пять Николаев, пять Федоров, шесть Андреев, семь Александров и семь Иванов.

Но, несмотря на указанные проблемы, можно уверенно утверждать, что кадниковцы участвовали во всех крупных боях на Маньчжурском театре военных действий. Согласно собранным к настоящему времени сведениям, они служили в составе 43-х воинских частей: 391 человек в пехоте, 41 в артиллерии, один в кавалерии, двое в саперных частях. Точное место службы остальных пока не установлено. Кадниковские пехотинцы числились в 19-ти стрелковых полках

(15 из них – Восточно-Сибирские, сформированные и расквартированные на Дальнем Востоке) и 15-ти пехотных полках (в том числе в трех Сибирских с территории Сибирского военного округа, остальные полки первоначально размещались в европейской России). Артиллеристы отмечены в составе одного артиллерийского дивизиона, двух стрелковых артиллерийских дивизионов и двух стрелковых артиллерийских бригад, а также в Квантунской крепостной артиллерии. Пехотные полки отличались от стрелковых несколько иной структурной организацией и большей численностью, артиллерийские бригады структурно и численно также были крупнее артиллерийских дивизионов.

Подавляющее число кадниковцев были простыми солдатами и носили самые низкие воинские звания – рядового в пехотных полках, стрелка в стрелковых полках, канонира в артиллерии. Однако около 80 кадниковцев дослужились до унтер-офицерских званий. Самую выдающуюся карьеру среди них совершил Александр Федорович Курков из деревни Халчиха Петряевской волости: во время войны он был произведен из фельдфебеля 9-й роты 145-го пехотного Новочеркасского полка в офицерский чин зауряд-прапорщика [3, с. 10; 12, л. 481 об.; 18, с. 813]. В иерархии нестроевых чинов выше всех поднялись батарейный фельдшер 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона Андрей Зайцев из Азлецкой волости и ротный фельдшер 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Михаил Огурцов из Корбангской волости [5, с. 4; 6, с. 7; 18, с. 310, 1367].

Свыше 70 кадниковцев удостоились за свои подвиги высших боевых наград, вручавшихся нижним чинам – Знаков отличия Военного ордена, более известных как Георгиевские кресты. При этом обращает особое внимание высокий процент награжденных артиллеристов: из 41 человека Георгиевскими кавалерами стали 21 – более половины! Заслужил эту награду и единственный кадниковский кавалерист – всадник пулеметного взвода Терско-Кубанского конного полка Дмитрий Степанович Цветков [13, л. 172 об.²; 18, с. 599]. Четверо кадниковцев (Павел Девяткин, Павел Дружков, Иван Катюхин, Александр Федулов) удостоились Георгиевских крестов двух степеней [18, с. 122, 169, 215, 342, 373, 403, 542, 1057]. Не исключено, что местным уроженцем является и кавалер трех Георгиевских крестов Василий Соловьев [4, с. 5; 18, с. 92, 237, 359], но эта информация требует уточнения.

Однако самым знаменитым кадниковским героем русско-японской войны является стрелок 28-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, участник обороны Порт-Артура Василий Федорович Кукин из деревни Пигилинская Маныловской волости. Он заслужил Георгиевские кресты четырех степеней, то есть стал одним из двух полных Георгиевских кавалеров за войну 1904–1905 гг. среди всех уроженцев Вологодской губернии (второй – моряк Егор Степанович Лобанов из деревни Помеловка Городецкой волости Никольского уезда) [9, с. 24–26].

Свои награды В.Ф. Кукин получил в следующем порядке: Знак отличия Военного ордена IV степени

² За указание на источник благодарю Е.Л. Демидову.

№ 189818 – «за мужество и храбрость, оказанные им во время отбития 7 июня 1904 г. у японцев 37-и голов скота, 4-х лошадей и 8-и мулов»; III степени № 9714 – за то, что «выказал личную храбрость во время боя 13 июня 1904 г. под горой Куинсан»; II степени № 3683 – поскольку «22 июня 1904 г. ночью вызвался разведать японский окоп и с левой стороны горы Хуинсан сбить неприятельский пулемет; исполнив все это той же ночью, возвратился с важными донесениями»; I степени № 935 – так как «17 октября 1904 г. во время 6-дневного боя под Малым Орлиным Гнездом, при сильном натиске неприятельской пехоты, будучи ранен два раза осколками в голову, остался в строю до конца боя» [18, с. 42, 66, 139, 1338].

Иногда земляки-сослуживцы получали награды не только за одновременное участие в масштабных многодневных сражениях по всей линии фронта, но и за один и тот же бой: например, Андрей Зайцев и Николай Колыгин – за бой 21 февраля 1905 г. у деревни Чокантань (Там же, с. 1367). Совершенно идентичны подробные наградные формулировки однополчан Александра Закатова и Александра Яблокова. «Соседями» по номерам полученных Георгиевских крестов оказались служившие в разных частях, но совершившие схожий подвиг Иван Соколов и Александр Лисуков (Лесуков) (Там же, с. 1364).

Четверо казниковцев (Прокопий Зязин, Яков Израилев, Григорий Киселев, Евгений Красов) получили Георгиевские кресты лично из рук императора Николая II в загородных дворцах Петергофа и Царского Села (Там же, с. 1354, 1449, 1451, 1459), где были представлены царю в составе групп инвалидов войны, награждавшихся перед отправкой на родину. Практики посмертных награждений в то время не существовало, но не все кавалеры Знака отличия Военного ордена пережили войну. Некоторые из них погибли в боях с врагом (Александр Иванович Боровиков) или умерли от полученных ранений (Александр Прокопьевич Климов) [11, л. 137; 18, с. 462, 486].

К сожалению, наградные формулировки обычно стереотипны и малосодержательны: «за мужество и храбрость в боях с японцами», «за разновременные боевые подвиги», «за отличия в боях». Но в ряде случаев обстоятельства совершенных подвигов излагаются более подробно. Например, стрелок 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Александр Закатов «в бою под Вафангоу 2 июня 1904 г. примером отличной храбрости и мужества ободрял своих товарищей; при обороне позиции, будучи тяжело ранен, не оставлял строя до тех пор, когда при общем отступлении, не имея возможности из-за тяжелого ранения идти с полком, отстал и был взят в плен неприятелем». Участник обороны Порт-Артура, стрелок 16-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Федор Смирнов, «будучи в цепи, во время вылазки выдержал наступление целой колонны японцев, чем дал возможность отойти первому взводу и устроиться ему в люнете впереди форта горы Юпилаза». Младший фейерверкер 1-й батареи 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона Николай Колыгин «в бою 21 февраля 1905 г. был ранен, но оставался в строю и, по выбытии от орудия всей прислуги, продолжал стрелять, командуя в то же время взводом» [18, с. 976, 1075, 1367].

Согласно орденскому статуту многие герои получили Георгиевские кресты за то, что оставались в строю до конца боя, несмотря на полученные ранения. Однако несколько человек, поступивших таким же образом (Алексей Борисов, Николай Левин, Андриан Макаров [5, с. 4; 7, с. 9; 8, с. 9]), вопреки статуту остались без заслуженных наград. Увы, совершенный подвиг далеко не всегда получает должную оценку как на войне, так и после нее.

О том, что казниковцы не прятались в бою за чужими спинами, наглядно свидетельствует статистика потерь. Всего в ходе войны более 60 местных уроженцев погибли на поле боя и умерли от ран в госпиталях, более 80 пропали без вести (из них около 50 впоследствии официально признаны погибшими), более 330 ранены и контужены, десятки взяты в плен. Несколько человек были ранены дважды, у некоторых ранения сочетались с контузиями, в плен также чаще попадали ранеными. Случались и более обыденные случаи, подрывавшие здоровье: например, старший фейерверкер 1-й батареи 3-го Сибирского артиллерийского дивизиона Иван Михайлович Запечин получил грыжу «вследствие чрезмерного напряжения при подъеме ящиков с артиллерийскими снарядами» [15, л. 1, 4]. Последствия ранений и тяжелой военной службы иногда приводили к тому, что вернувшиеся на родину солдаты умирали молодыми – так, Всеволод Николаевич Горшков и Михаил Васильевич Животов скончались в 1908 г. [16, л. 40 об., 63 об.].

Сначала в боях участвовали относительно немногие казниковцы предвоенных призывов, служившие в воинских частях Дальнего Востока. Первой жертвой войны среди казниковских уроженцев стал Николай Никанорович Громов из деревни Кулакова Грибцовской волости. Он служил в 11-м Восточно-Сибирском стрелковом полку и пропал без вести в открывшем боевые действия на суше Тюренченском сражении 17–18 апреля 1904 г., позже признан погибшим [2, с. 9; 11, л. 138 об.]. Семеро казниковцев оказались в отрезанной противником крепости Порт-Артур и вынесли все тяготы знаменитой артурской обороны.

Сформированный во многом из уроженцев Вологодчины 2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк сыграл значимую роль в сражении под Вафангоу 1–2 июня 1904 г., когда русская армия предприняла неудачную попытку деблокировать Порт-Артур. 1 июня полк контратакой отбросил наступавшего противника на исходные рубежи, а на следующий день ценой огромных потерь сбил японские войска с занимаемых ими позиций. Однако вместо развития успеха русские солдаты получили приказ отступать из-за охвата японцами противоположного фланга русских сил [19, с. 158–161]. В бою под Вафангоу из состава 2-го полка погибли и пропали без вести восемь казниковцев, пятеро были ранены.

В ключевой момент генерального сражения под Ляояном измотанный предшествующими боями 2-й Восточно-Сибирский стрелковый полк 20 августа 1904 г. безуспешно пытался отразить наступление японских войск, обходивших левый фланг русской армии. Ведя встречный бой в зарослях трехметрового гаоляна, зачастую не видя ни своих, ни противника, части полка несли большие потери. Погиб и его ко-

мандир, полковник Н.Я. Озерский [17, с. 192–193]. Сдержать наступление врага не удалось, измученные русские войска отступили. В жутком бою 20 августа были ранены четверо казниковцев, всего же в боях за Ляоян потери среди земляков-однополчан составили не менее 10 человек.

2-й полк не раз отметился активными действиями и в дальнейшем. Вновь гибли, получали ранения и пропадали без вести казниковские уроженцы на Тумынлинском перевале в сражении у Шахэ в сентябре 1904 г., при взятии деревни Хэгоутай в сражении под Сандепу в январе 1905 г., на Сыдолинском перевале под Мукденом в феврале 1905 г. Общие потери казниковцев за войну только в этом героическом полку составили до 40 человек.

Позже на театр военных действий стали прибывать полки из Сибири и европейской России, в составе которых также числились выходцы из Казниковского уезда. Например, немало земляков-казниковцев служили в 145-м пехотном Новочеркасском полку. В Шахэйском сражении ему довелось защищать Двугорбую сопку у деревни Танхайши, оказавшуюся на направлении главного удара противника. В ночь на 29 сентября части полка были атакованы и окружены превосходящими силами противника, но на рассвете штыковым ударом прорвались к своим войскам и, перегруппировавшись, вновь отбили у противника Двугорбую сопку, позже оставленную по приказу командования. Всего в сражении на Шахэ Новочеркасский полк потерял 35 офицеров и 1040 нижних чинов [23, с. 216–222, 464]. Только в боях за Двугорбую сопку и Танхайши погибло, ранено и пропало без вести 14 казниковцев.

97-й пехотный Лифляндский полк прибыл в Маньчжурию в январе 1905 г. и спустя месяц принял участие в боях под Мукденом. 22 февраля полк был выдвинут из резерва и брошен в атаку против ключевой позиции противника – деревни Юхуантунь. Защищавшая позицию японская бригада генерал-майора Намбу силами нескольких русских полков была разгромлена, а деревня взята ценой огромных жертв с обеих сторон [24, с. 442–446]. Но и этот успех не изменил общего хода событий, складывавшихся неблагоприятно для русской армии. Потери среди служивших в 97-м полку казниковцев в бою за Юхуантунь составили 12 человек.

Мобилизованные осенью 1904 г. казниковцы стали прибывать в Маньчжурию к началу 1905 г., и в основном пополнили личный состав трех сильно потрепанных предыдущими боями полков: 7-го пехотного Сибирского Красноярского, 213-го пехотного Оровайского и 214-го пехотного Мокшанского, причем наибольшее число казниковских уроженцев принято в Оровайский полк. Новоприбывшие казниковцы-артиллеристы были распределены по батареям 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона. Первым, а для многих и последним сражением мобилизованных воинов стала Мукденская битва.

Оровайский и Мокшанский полки составляли 1-ю бригаду 54-й пехотной дивизии. В ходе Мукденского сражения бригада была атакована японцами 18 февраля и в течение десяти дней не выходила из боя. Оказывая друг другу постоянную поддержку,

полки отходили под давлением вражеских сил, задерживаясь на промежуточных позициях и конратакуя неприятеля. В боях погибли оба командира полков: Оровайского – Д.И. Грендаль, и Мокшанского – П.П. Побыванец. 27 февраля остатки бригады на арьергардной позиции вдоль реки Илу у станции Синтайцзы отбивали наседавшего противника, прикрывая отход русской армии. Лишь выполнив поставленную задачу, полки организованно отступили [24, с. 251–253, 321–325, 357–358; 25, с. 57–58, 122, 126, 240–241]. Далее до конца войны понесшие огромные потери части 54-й дивизии оставались в резерве.

Боевые сводки и списки погибших и раненых казниковцев из состава Мокшанского и Оровайского полков пестрят труднопроизносимыми названиями китайских деревень, у которых развернулись бои: Вучжанин, Бейтайцзыин, Туанчендза, Шоуялинза, Ланшаньпу, Тасудяпу. Здесь погибли, получили ранения, пропали без вести и попали в плен свыше 200 казниковских уроженцев. И никто сейчас не вспомнит имен этих безвестных героев...

В критический момент одного из боев 214-й Мокшанский полк двинулся в атаку с развернутым знаменем под звуки полкового оркестра. Руководил оркестром капельмейстер И.А. Шатров. Уже после Мукденского сражения в память о погибших однополчанах он написал вальс-реквием «214-й Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Позже название полка исчезло с титульных листов нотных изданий, но под сокращенным названием «На сопках Маньчжурии» эта мелодия ныне известна всему миру. Мало кто помнит, что знаменитый вальс является музыкальным памятником русским солдатам, однако земляки героев должны знать, что создан он в том числе в честь погибших казниковцев 214-го Мокшанского полка.

Война прославила не только полки, но и отдельные геройские роты. По воспоминаниям командира 6-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Н. Соболева, 8-я рота 220-го пехотного Епифанского полка 25 февраля 1905 г. участвовала в прикрытии отходящих от Мукдена войск «и в виду японской гвардии заняла 11 последовательных позиций, отходя с упорным боем лишь под давлением превосходных сил противника». В этот день рота потеряла 20 человек убитыми и 78 ранеными. Среди погибших был и младший унтер-офицер Николай Иванович Соколов из деревни Бережок Маньловской волости. Всего же за войну славная рота потеряла 6 офицеров и 266 нижних чинов [11, л. 137; 26, с. 47, 460].

Последние потери в боях на суше казниковцы понесли при защите силами 7-го пехотного Сибирского Красноярского полка позиций у деревни Фаншен 1 марта 1905 г. К тому времени «красноярские» казниковцы уже потеряли убитыми, ранеными и контуженными свыше 30 своих земляков в боях на Гаутулинском перевале под Мукденом, а в бою у Фаншена – еще 9 человек ранеными и одного погибшим. Последней жертвой войны в Маньчжурии среди уроженцев Казниковского уезда стал рядовой 7-го Красноярского полка Александр Иванович Смирнов из деревни Ерофеевская Кумзерской волости [8, с. 9; 11, л. 136].

Вероятно, некоторые кадниковцы позже скончались в госпиталях, но точные даты их смерти неизвестны.

По окончании войны предпринимались попытки увековечения памяти павших героев. В 1913–1914 гг. предполагалась массовая установка поминальных досок в сельских церквях России, инициированная специальной «Комиссией по увековечению памяти воинских чинов, погибших в войну с Японией». Однако организовать соответствующий сбор средств среди прихожан оказалось проблематичным, и в результате на всей огромной территории Вологодской губернии появилась единственная такая доска. Она была установлена в апреле 1913 г. в Устьянской Воскресенской церкви Кадниковского уезда (село Устье) в память пяти погибших на Дальнем Востоке жителей Устьянской волости: Александра Брусницына, Павла Евлашина, Константина Малышева, Алексея Мохова и Ивана Теркина [11, л. 132, 134].

Устьянская Воскресенская церковь

До наших дней эта памятная доска не сохранилась. Однако столь благородный почин, положенный именно на территории Кадниковского уезда, вызывает искреннее уважение и настоятельно требует продолжения. Восстановить и сохранить память о героях и участниках русско-японской войны – дело ныне живущих поколений их потомков и земляков.

Литература

1. Великоустюгский центральный архив (ВУЦА). Ф. 14. Оп. 2. Д. 511.
2. Вологодские губернские ведомости (ВГВ). – 1904. – № 33. – С. 9.
3. ВГВ. – 1905. – № 22. – С. 10.
4. ВГВ. – 1905. – № 43. – С. 5.
5. ВГВ. – 1906. – № 5. – С. 4.

6. ВГВ. – 1906. – № 8. – С. 4.
7. ВГВ. – 1906. – № 10. – С. 9.
8. ВГВ. – 1906. – № 11. – С. 8, 9.
9. Герои Вологодчины: Энциклопедический словарь биографий. – Вологда : ИНП «Фест», 2011. – 320 с.
10. Гладких, С. А. Уроженцы Кадниковского уезда Вологодской губернии – участники русско-японской войны 1904–1905 гг. на море / С. А. Гладких // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 8–13.
11. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136.
12. ГАВО. Ф. 287. Оп. 1. Д. 71.
13. ГАВО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 593.
14. ГАВО. Ф. 726. Оп. 3. Д. 387.
15. ГАВО. Ф. 871. Оп. 1. Д. 217.
16. ГАВО. Ф. 871. Оп. 2. Д. 283.
17. Грулев, М. [В.] В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне / М. [В.] Грулев. – Москва : ГПИБ, 2007. – 272 с.
18. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва : [б. и.], 2006. – 1496 с.
19. История русско-японской войны 1904–1905 гг. – Москва : Наука, 1977. – 384 с.
20. Козлов, Д. Ф. Краткая боевая история 117-го пехотного Ярославского полка. 1763–1913 / Д. Ф. Козлов. – Рогачев : Типография насл. Г. З. Залкинда, 1913. – 90 с.
21. Кулябин, А. [М.] «...И всё думаю: как мне его называть?» / А. [М.] Кулябин // Сокольская правда. – 2020. – 2 июня. – С. 5.
22. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. – Вологда : Типография губернского правления, 1905. – IV, 58 с.
23. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. – Т. IV. Шахэ – Сандэпу. – Ч. 1. Сражение на реке Шахэ. – Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1910. – VIII, 508 с.
24. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Том V. Мукденское сражение. Часть 1. События, непосредственно предшествовавшие Мукденскому сражению, и самое сражение до приказа Главного командующего об отходе III и I армий к Хуньхэ. – [Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910]. – X, 466 с.
25. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Том V. Мукденское сражение. Часть 2. От отхода к р. Хуньхэ до сосредоточения на Сыпингайских позициях. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. – VIII, 356 с.
26. Соболев, Л. Н. Куропаткинская стратегия. Краткие заметки бывшего командира 6-го Сибирского армейского корпуса / Л. Н. Соболев. – Санкт-Петербург : Русская скоропечатня, 1910. – XII, 478 с.
27. Список населенных мест Вологодской губернии. – Вологда : Типография губернского правления, 1881. – 304 с.

S.A. Gladkikh

NATIVES OF KADNIKOV DISTRICT OF VOLOGDA PROVINCE IN BATTLES ON THE HILLS OF MANCHURIA (1904–1905)

The article studies the participation of the natives of Kadnikov district of Vologda province in the land battles of the Russo-Japanese war of 1904–1905. Statistics are provided, heroes' biographies and collective exploits of the military units in which they served are considered.

Kadnikov District of Vologda Province, heroes of the Russo-Japanese war.